

Неёлова М.

17/VI - 86

ТЕАТР Три роли Марины Неёловой

Кое-кто утверждает, что в нашем искусстве нет и не может быть «звезд» — не те нравы, социальные условия. Это отчасти верно, если понимать под «звездой» общественный образ, искусственно создаваемый специалистами от рекламы. Но есть «звезды» другого рода, как бы концентрирующие в своих работах основные настроения времени, неподдельным демократизмом своего дарования заслуживающие признание широчайшей аудитории. Разве не «звездами» в таком понимании были в свое время Любовь Орлова и Надежда Обухова, Петр Алейников и Мария Бабанова?

Марина Неёлова — звезда «Современника». Это нетрудно понять даже по нескольким гастрольным спектаклям коллектива, даже ничего не зная об этой актрисе (что, впрочем, маловероятно: ведь уже до своего прихода в театр М. Неёлова ярко утвердилась в кино, от которого в последнее время она, видно, не без оснований отошла). Даже когда она играет не главные роли, самоотдача актрисы, ошеломляющая неожиданность ее трактовок, духовность властно приковывают к себе внимание. Необычайная одаренность, стремление всегда и во всем, даже, пожалуй, вопреки себе, идти непроторенными путями? Несомненно. Но несомненно и то, что 70-е годы с их повышенным интересом к переломам духовного состояния человека были для этого дарования куда как благодатной почвой. Десятилетием раньше, когда на сцене и в кино в основном господствовала бытовая приглушенность и больше всего ценилась простая органика, Неёлова показала бы слишком резкой. Когда кинематограф 80-х годов сделал резкий крен в сторону развлекательности, Неёлова не нашла в нем для себя места. Ибо у нее, как редко у какой популярной актрисы, не бывает «проходных» ролей, «просто ролей», и это чувство великой ответственности, что просмат-

ривается за «послужным списком» Неёловой, тоже по-своему свидетельствует, что «звезду» в нашем понимании определяет не рекламная маска, а прежде всего художническая совесть.

О них, о масках — жесткий спектакль В. Фокина по пьесе американского драматурга Э. Олби «Кто боится Вирджинии Вульф?». Предопределенное бесчеловечным обществом чудовищное несоответствие лица, маски и человеческой сути... Среди четырех персонажей — Хани, «миниатюрная блондиночка», как ее несколько иронически определяет автор, в исполнении М. Неёловой. Действительно, она появляется во всеоружии своей миниатюрности, тонкости, доходящей, правда, до раздражающей томной манерности, во всеоружии своего глянцевого благополучия: идеальная молодая семья, состоятельность, муж на пороге большой карьеры. Но вот понемногу «имидж» растворяется, и мы знакомимся с иным обликом Хани. Ведомая драматургом через круги современного духовного ада, актриса с редкой отвагой играет кровоточащую боль и одновременно некую извращенную сладость самообнажения. Оказывается, благополучная Хани — просто жалкое существо, алкоголичка, страдающая от безысходного одиночества (Ника прельстило ее состояние, детей нет и не может быть). Сквозь начальную фальшивую женственность вдруг начинается проступать сухая, жесткая, недоброжелательность к другим, подлинное страдание то и дело заменяется привычной страдальческой маской.

Излом сам по себе, истеричность в искусстве редко бывают интересны в качестве клиническим. М. Неёлова не боится их делать объектом художественного рассмотрения. Что особенно поражает в ее Хани, так это отчаянное нежелание знать жестокую правду, судорожность ее попыток цепляться за мираж, за эрзац правды.

Образ Хани в спектакле современен не только своей социальной подоплекой, но и тем его универсализмом, который выявляет актриса. Мотив гибельности для личности одурманивающих иллюзий, принимающих в «Кто боится Вирджинии Вульф?» крайнюю, безобразную форму, благодаря искусству М. Неёловой и ее великолепных партнеров В. Гафта, Г. Волчек, звучит предупреждающе, в полную силу...

Прекрасен дуэт Галины Волчек (Анна Андреевна) и Марины Неёловой (Марья Антоновна) и в гоголевском «Ревизоре» (реж. В. Фокин). Тут речь даже не о разрушении личности, как в предыдущем случае, тут личности, пожалуй, и не было. Марья Антоновна М. Неёловой с ее тупой, злобной капризностью, неожиданно проявляющейся агрессивностью, цепкостью, вначале в унисон с «маменькой» повторяющая фразы, а потом как бы просыпающаяся к своей девичьей самостоятельности, опять-таки, увы, жалкой, — образ также резкий, сгущенный, далекий от того образа, вызывающего добродушное подтрунивание, к которому мы привыкли в других постановках этой комедии. Вновь отброшена иллюзия — на сей раз неумной, но, пожалуй, достойной сочувствия великовозрастной девы.

Об этом умении актрисы выворачивать наизнанку знакомое, привычное как-то хорошо сказал критик К. Рудницкий: «Марина Неёлова почти всегда ищет и находит возможность из просветленной поэзии прорваться к безрадостной и некрасивой прозе, тему лучезарного счастья перебить внезапным обвалом беды, ясность духа подвергнуть мучительному экзамену, на этом экзамене провалиться, выказывать беспомощность, даже отчаяние — для того, чтобы слабость побороть, одолеть и выйти из драмы победительницей, теперь-то уж готовой постоять за себя».

Верность этого суждения с наибольшей отчетливостью

проступает в образе Оли, сыгранной М. Неёловой в спектакле «Спешите делать добро» (реж. Г. Волчек). Восторженные отзывы по поводу самого спектакля сегодня — возмужавшего, из-за его почтенного возраста, скажем прямо, кажутся несколько преувеличенными. К тому же в самой пьесе М. Рошина чувствуется некая искусственная выстроенность, а спор о природе добра и его месте в современной жизни, который ведут друзья-антиподы (актеры И. Кваша и В. Гафт), предстает несколько облегченным, умозрительным.

Но вот на сцене появляется тонкая девочка-подросток, вся как бы в трансе, в оцепенении. Девочка Оля из «неблагополучной» семьи уже познала жестокость, пыталась покончить с собой, а теперь волею драматурга попала в добропорядочную московскую семью и должна стать как бы живым аргументом в споре о добре.

Однако Оля М. Неёловой аргументом становиться явно не желает. Она живет на сцене, поражая доподлинностью своего существования, вызывая ответное теплое чувство трогательным и смешным процессом своего «оттаивания». Не только специфический говор северянки, фальцет подростка и прочая внешняя характеристика привлекают внимание. На наших глазах происходит формирование сильной, светлой личности. И хотя пьеса не дает ответа на вопрос о дальнейшей судьбе ушедшей из дому Оли, М. Неёлова убеждает нас в том, что это именно осознанный ответ добром на добро, поступок человека, победившего самого себя.

Встречи с театром такого уровня, как «Современник», — всегда праздник. И это ощущение радости — несмотря на то, что со сцены часто говорится о вещах сложных, наблюдавших, тревожащих — прежде всего рождает мастерство и трепет больших актеров. Звезд, как Марина Неёлова.

С. КОВАС.

Советская жизнь
г. Вильнюс
17 ИЮН 1986